
Виртуализация территориальной идентичности как основание формирования цифровых анклавов мигрантов в мегаполисе (на примере Москвы)

К.С. МОКИН*

*Константин Сергеевич Мокин – доктор социологических наук, ведущий научный сотрудник, Институт социологии ФНИСЦ РАН, Москва, Россия, mokin_konstantin@list.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5670-8118>

Цитирование: Мокин К.С. (2026) Виртуализация территориальной идентичности как основание формирования цифровых анклавов мигрантов в мегаполисе (на примере Москвы) // Мир России. Т. 35. № 1. С. 6–27. DOI: 10.17323/1811-038X-2026-35-1-6-27

Аннотация

В статье рассматриваются процессы формирования этнических анклавов в российском мегаполисе; описывается вариативность исследовательских подходов к пониманию феномена миграционного этнокультурного анклава. На примере московского мегаполиса демонстрируется процесс кристаллизации этнических анклавов, основанных на цифровом воспроизводстве исходной территориальной идентичности мигрантов; выделяются стимулирующие факторы этнокультурной диаспоризации.

Эмпирической основой стал проведенный Национальным исследовательским университетом «Высшая школа экономики» в 2023 году массовый опрос мигрантов, касающийся адаптации и последующей интеграции. Объем выборки – 3 533 чел. Проведены 48 полуструктурированных интервью с трудовыми мигрантами с целью выявления мотивов и стратегий адаптации и последующей интеграции в принимающее сообщество. Проанализированы Интернет-ресурсы СМИ, включающие в себя сообщения об изменениях в нормативно-правовых актах в отношении мигрантов, о трансформации процесса формирования публичных фобий, а также об изменении дискурса в отношении миграционной политики.

Москва – крупнейший центр миграционного притяжения в России и самый крупный в стране локальный рынок труда. На миграционный учет в целом в 2024 г. в России были поставлены 6,17 млн человек, при этом в Москве – 3,34 млн иностранцев и лиц без гражданства, что составляет половину всего потока мигрантов в страну.

Причинами (вос)производства диаспорной идентичности являются продолжающееся ужесточение рестрикционной политики государства в отношении инокультурных мигрантов и, соответственно, ответная рефлексия миграционных сообществ на ограничительные политические и социальные практики государства.

В ходе исследований были зафиксированы отказ этнических общин от территориальной экспансии в отношении локальных территорий (создание территориальных анклавов, локальных поселений) и переход в параллельную виртуальную плоскость, т. е. происходит цифровизация деятельности кланово-родственных и территориально-этнических общин, которая проявляется в активности общения с близкими не только на территории исхода, но и внутри общины.

Виртуализация (цифровое капсулирование) мигрантских общин приводит к тому, что большей части мигрантов нет необходимости принимать усилия по адаптации и интеграции в местное сообщество, что усиливает процессы анклавизации в мегаполисе.

Современные информационные технологии позволяют мигрантам максимально выгодно конвертировать наличный социальный капитал и внутри общины, и в рамках местного населения, воссоздавая тем самым общинную (анклавную) идентичность.

Ключевые слова: миграция, этнические анклавы, территориальная идентичность, диаспорная идентичность, институционализация этничности, виртуализация процессов анклавизации, социальная мобилизация, социальный капитал, социальные сети, Москва

Актуализация

Вопрос анклавизации – один из самых противоречивых как в сфере социальных исследований, так и с точки зрения управления государством отдельными территориями. С одной стороны, любое государство стремится к моноструктурности, гомогенности населения (например, путем политического гражданства), а с другой – люди из отдельных регионов, других стран, прибывающие в новые социально-экономические и социокультурные условия, стремятся в этой новой для себя среде сохранить свою исходную идентичность. Последнее вынуждает их объединяться в разного рода сообщества, которые консолидируются по разным основаниям – национальным, конфессиональным, этнокультурным, территориальным, лингвистическим и т. д.

Важно отметить, что в современной научной литературе нет единого подхода к пониманию феномена анклавизации. В частности, анклавы могут рассматриваться как пространственный феномен, тесно связанный с процессом диаспоризации, формирования отдельных локальных общин диаспоры [Qadeer et al. 2010, pp. 315–339]. При этом ряд авторов рассматривают анклавы через призму пространственно-географического (социально-институционального) подхода, суть которого сводится к пониманию анклава не только в географических координатах, но и в привязке к действующим нормативно-правовым практикам, действующему законодательству, т. е. рассматриваются в определенных административно-территориальных границах муниципальных образований и отдельных поселений [Барышина 2023, с. 7–13].

Более широко применительно к сфере миграции под этническими анклавами могут пониматься «городские кварталы, в которых иммигрантские группы или национальные меньшинства проживают компактно (концентрированно)» [Wang et al. 2002, pp. 104–122]. При этом подчеркивается, что «анклавы являются пространственно сегрегированными сообществами, возникшими вследствие

социальных процессов классовой, этнической или расовой дифференциации и кластеризации» [Bryson 2003, pp. 8–12]. Дж. Берри в своих работах рассматривает анклавизацию в качестве «одной из стратегий адаптации мигрантов в принимающем сообществе» [Berry 1996, pp. 171–186; Berry 1997, pp. 5–68].

Исследования консолидации и последующей анклавизации в городской среде достаточно широко представлены и в отечественной науке. Так, процессы анклавизации в крупных российских городах анализировались представителями сибирской научной школы С.А. Мадюковой и О.А. Персидской. В их работе анклавизация рассматривается как «особая стратегия адаптации мигрантов, заключающаяся в их частичном социально-территориальном исключении из городской среды и самоорганизации в анклавах». Авторы приходят к выводу, что «анклав может рассматриваться как переходный этап адаптации и интеграции, поскольку позволяет иноэтничным мигрантам локально воспроизводить этнокультурную систему и социальную структуру страны исхода на новой территории» [Мадюкова, Персидская 2017, с. 36–51].

Поддерживает эту точку зрения и Е.А. Илинбаева, отмечая, что востребованность дешевой иностранной рабочей силы всегда будет способствовать усилению потоков мигрантов на территорию Российской Федерации. В связи с этим возникает проблема адаптации мигрантов и раскрытия миграционных сетей, способствующих формированию анклавов в долгосрочном контексте [Илинбаева 2016]. Е.Б. Бедрина предлагает систему построения карт компактного проживания мигрантов, уточняя, что «особое значение для места появления таких кварталов играет близость к местам традиционной занятости мигрантов. В российских условиях – это рынки, овощебазы, строительные площадки, крупные супермаркеты и конечные остановки общественного транспорта» [Бедрина 2018, с. 697–704].

Исследователи отмечают различные обстоятельства образования мест компактного проживания мигрантов в принимающем сообществе. В частности, Г.А. Николаенко считает, что «причиной их формирования является сетевой характер миграции», который в первую очередь связан с «этнической структурой и ментальностью приезжих мигрантов» [Николаенко 2014, с. 119–134]. В.В. Константинов связывает анклавизацию «со стремлением к созданию комфортных условий для проживания в чуждой культурной среде» [Константинов 2014]. Практически во всех случаях указывается, что первопричинами появления мест компактного поселения мигрантов являются близость к месту работы и финансовая доступность жилья [Варшавер и др. 2020, с. 225–253].

Особого внимания в рамках нашей статьи заслуживает анализ, проведенный О.И. Вендиной, в отношении положения иммигрантов в Москве. В частности, она (помимо вопросов (ре)конструирования этнической идентичности иммигрантами в московском мегаполисе) обращает внимание на процессы последовательной институционализации этничности посредством диаспор, что, по ее мнению, связано с «привнесением моральных норм, заложенных в этнической традиции в различные социальные практики, формирование собственных социальных институтов» в образовании, организации брачных союзов, взаимной финансовой поддержки и т. д. [Вендина 2009, с. 45–147].

Это подтверждают результаты работы И.М. Кузнецова и В.И. Мукомеля, которые вводят корректное операционализированное понятие «буферной среды» как некой формы, нацеленной на сохранение и воспроизводство исходной

социально-культурной идентичности и, как следствие, «создание некоей буферной среды частной жизни в различных вариантах и масштабах от крупных и территориально реализованных этнокультурных анклавов (типа “чайнатаунов” в США и других крупных городах зоны европейской цивилизации), до практически ничем не проявляющихся вовне этнокультурных сетей более или менее регулярного общения и взаимопомощи, внешне сходных с диаспоральными» [Кузнецов, Мукомель 2005, с. 3].

В настоящее время доминирующей точкой зрения в исследованиях процесса анклавизации является то, что этнические анклавов представляют собой четко выраженные географически или пространственно ограниченные этнические центры, и описание процессов анклавизации осуществляется путем наложения этносоциальных и территориальных границ (маркеров). Локальность (территория), в рамках которой формируется (существует) анклав, становится краеугольным камнем при формулировании научных гипотез, проведении исследований и анализе полученных данных.

При этом происходит последовательная виртуализация сетевых отношений внутри общины. В современных условиях глобальной цифровизации обмен социальным капиталом внутри и между общинами приобретает более обезличенный характер. Электронные социальные сети обеспечивают взаимодействие и на микроуровне – рекрутирование в рабочие бригады, построенные по кланово-родственному принципу; набор сотрудников отдельных торговых точек; оказание помощи в поиске жилья, трудоустройстве и т. п., причем эти микрогруппы включены в общеанклавный процесс инклюзии на среднем уровне за счет общеразделяемых ценностей исходной территориальной идентичности и схожести языковых диалектов. Фактически происходит виртуализация процессов анклавизации и практик формирования устойчивых сетевых отношений.

Отдельным фокусом анализа являются исследования, проведенные под руководством И.П. Кужелевой-Саган [Кужелева-Саган и др. 2016], в которых предпринимается попытка изучения феномена воспроизводства этнической идентичности в цифровых диаспорах российских мигрантов из стран Центральной Азии на платформах российских социальных сетей. Авторы вводят понятие «виртуальных этнокомьюнити» через исследовательскую оптику транслокальности, однако не операционализируют его, сосредоточившись лишь на описании функционального значения социальных сетей для мигрантов. Работы О.Д. Тимошкина и его коллег [Тимошкин и др. 2023], основанные на контент-анализе электронных социальных медиа, показывают их значимость в процессе интегративных практик мигрантов, в частности позволяют описать, с какими трудностями сталкиваются мигранты и как они используют социальные медиа для их преодоления.

Важно, что отсутствие четко выраженных компактных поселений в рамках мегаполиса не означает, что диаспорных общин (анклавов в традиционном понимании) не существует, поскольку мигранты выстроили свою параллельную виртуальную среду, где практики воспроизводства исходной территориальной идентичности, норм и условий общения и взаимодействия, доминирующего дискурса и примата родного языка также реальны, как и в условиях прямого межличностного взаимодействия. При этом социальные сети как коллекторы социального капитала этнокультурной общины стали играть большую роль, кристаллизуя маркеры социальных границ «свои-чужие».

Постановка проблемы

Московский мегаполис – крупнейший центр миграционного притяжения в России и самый крупный в стране локальный рынок труда. На 1 апреля 2025 г. численность населения Москвы составляла 13 104 193 чел.¹, при этом отдельными примечательными аспектами выступают растущее этнокультурное разнообразие мегаполиса и его миграционная привлекательность. Так, по данным Всероссийской переписи населения 2020/2021, национальный состав населения Москвы отличается большим разнообразием: доминирующими этническими группами являются русские (12 009 993 чел. (91,65%)), украинцы насчитывают 186 080 чел. (1,42%), татары – 180 838 чел. (1,38%), армяне – 128 421 чел. (0,98%), азербайджанцы – 69 452 чел. (0,53%), другие национальности (менее 0,5% каждая) – 529 409 чел. (4,04%)².

При этом численность населения мегаполиса непрерывно увеличивается за счет миграционного прироста, обусловленного развитым рынком труда, высоким уровнем потребности и в квалифицированных, и в малоквалифицированных кадрах. В Москве количество официально занятого населения составляет 7 810 099 чел. (59,6%), пенсионеров – 3 800 216 чел. (29%), официально оформленных и состоящих на учете безработных – 760 043 чел. (5,8%). По оценкам экспертов, потребность в рабочей силе в московском мегаполисе в 2024 г. достигла 500 000 чел., а к 2030 г. этот показатель может вырасти до 1 млн чел. Работодатели оценивают текущую потребность в квалифицированном персонале более чем в 100 000 чел.³. Именно высокий спрос на рабочую силу в Москве стимулирует интенсивные миграционные потоки как из регионов России, так и из-за рубежа (в основном из стран Центральной и Средней Азии): по расчетам специалистов, в 2024 г. в России в целом на миграционный учет были поставлены 6 174 777 чел.⁴, при этом только в одной Москве находились 3 343 490 иностранцев и лиц без гражданства⁵, что составляет половину всего потока мигрантов в страну.

Этнокультурное разнообразие входящих миграционных потоков, развитая система неформального рекрутирования иностранных трудовых мигрантов по кланово-родственному и территориальному признаку, фактически кристаллизованные социальные сети внутри- и межобщинного взаимодействия при отсутствии адекватных механизмов первичной адаптации мигрантов со стороны государственных структур способствовали формированию этнических общин в городском сообществе из числа трудовых мигрантов и членов их семей. При этом территориальная

¹ Оценка численности постоянного населения г. Москвы по состоянию на 1 января 2025 года и в среднем за 2024 год (2025) // Управление Федеральной службы государственной статистики по г. Москве и Московской области // <https://77.rosstat.gov.ru/storage/mediabank/>, дата обращения 26.09.2025.

² По данным Росстата (2025) // <https://77.rosstat.gov.ru/storage/mediabank/том%205.%20Таблица%201.xlsx>, дата обращения 26.09.2025.

³ Рынок труда в Москве 2025 – Анализ ситуации и перспективы (2025) // SolutionPro. 6 февраля 2025 // <https://s-pro.group/tpost/zdan27hlu1-rinok-truda-v-moskve-2025-analiz-situats?ysclid=m9wfi67x3627211050>, дата обращения 26.09.2025.

⁴ Львова М. (2024) В МВД назвали число находящихся в России иностранцев // Газета.ru. 18 февраля 2024 // <https://www.gazeta.ru/social/news/2024/09/18/23952235.shtml>, дата обращения 24.09.2025.

⁵ Специалисты посчитали, сколько в Москве иностранных. ГУВМ УВМ МВД УФМС Гражданство России ВНЖ РВП ММЦ (2024) // ВКонтакте. 18 февраля 2024 // https://vk.com/wall-113590066_1397044?w=wall-113590066_1397044, дата обращения 24.09.2025.

анклализация в виде кварталов, обособленных поселений на территории мегаполиса не отмечается. По мнению экспертов, этому способствует сохранившаяся со времен СССР перемешанная система заселения, где основную массу жителей составляют старожилы, что вынуждает иммигрантов расселяться дисперсно. В то же время в ряде районов Москвы до недавнего времени был отмечен бум приобретения недвижимости выходцами из стран Средней Азии и Закавказья (наиболее ярким примером являются южные, юго-восточные районы города, где цены на жилую недвижимость были одними из самых низких в городе) [Вендина 2009, с. 45–147]; только в 2024 г. спрос на недвижимость в Москве вырос на 20%. «Среди активных приобретателей жилья оказались граждане Узбекистана, Белоруссии, Казахстана, Таджикистана, Туркменистана, Абхазии. Чаще всего <...> покупают квартиры в жилищном комплексе бизнес- или комфорт-плюс класса за наличные, <...> при этом в 70% покупка не носит инвестиционного характера, а рассматривается для проживания в перспективе одного-пяти лет»⁶.

В настоящее время с учетом современных технологий общения (мобильной связи) и обмена данными основная масса трудовых мигрантов сформировала квазитерриториальные виртуальные анклавы, построенные по этнонациональному, земляческому, кланово-родственному принципу. По сути, это те же социальные сети общин, но поддерживаемые не в виде личного, физического контакта, совместной повседневной жизнедеятельности, а перенесенные в цифровую плоскость (чаты, Интернет-страницы, тематические форумы и т. д.). Это обеспечивает, с одной стороны, относительно безболезненную адаптацию мигрантов к условиям принимающего населения, а с другой – это тот же процесс анклализации и капсулирования, что приводит к практикам самосегрегации групп мигрантов, сведению на нет усилий по адаптации принимающего общества (институтов государства) в отношении мигрантов.

Методология

Эмпирической основой стал массовый опрос мигрантов по теме адаптации и последующей интеграции, проведенный Национальным исследовательским университетом «Высшая школа экономики» в 2023 г. Объем выборки – 3 533 чел.; из них мужчины – 2 493 чел. (70,6%), женщины – 1 040 чел. (29,4%). Медианный срок прибытия в РФ – 2017 г., мода – 2022 г. (таблица 1).

Все представленные количественные параметры в статье основаны на данных опроса, проведенного НИУ ВШЭ, если не указано иное. В рамках исследования были проведены 48 полуструктурированных интервью с трудовыми мигрантами с целью выявления мотивов и стратегий адаптации и (возможной) последующей интеграции в принимающее сообщество. Также осуществлен контент-анализ Интернет-ресурсов СМИ, включающих в себя сообщения об изменениях в нормативно-правовых актах в отношении мигрантов, а также об изменениях процесса формирования публичных фобий и дискурса в отношении миграционной политики.

⁶ Штурма Я. (2025) Судьба нерезидента: иностранцы стали чаще покупать жилье в РФ // Известия. 7 марта 2025 // <https://iz.ru/1849890/ana-sturma/sudba-nerezidenta-inostrancy-stali-case-pokupat-zile-v-rf>, дата обращения 24.09.2025.

Таблица 1. «В каком году впервые (после 1991 г.) Вы приехали в Россию из своей страны на три месяца или более?», %

Период анализа	Впервые приехали в Россию	Из них:	
		мужчины	женщины
1991–1995 гг.	1,6	85,7	14,3
1996–2000 гг.	4,0	75,0	25,0
2001–2005 гг.	6,90	77,3	22,7
2006–2010 гг.	13,50	71,1	29,9
2011–2015 гг.	16,00	68,0	32,0
2016–2020 гг.	31,30	70,9	29,1
2021–2023 гг.	26,70	70,1	29,9

Миграция и причины формирования этнических анклавов

Экономические факторы первичной иммиграции в Москву граждан стран Центральной и Средней Азии являются доминирующими (таблица 2). При этом мигранты, выстраивая свой трафик перемещения, достаточно четко понимают куда, зачем и к кому они едут. Как правило, это выстроенные предыдущими волнами мигрантов маршруты, достаточно четко зафиксированные потенциальные точки социального напряжения (переход границы, постановка на учет, получение разрешительных документов на работу и т. д.), контакты встречающей стороны и места первичного размещения. По сути, осознание реальных целей и собственных возможностей, наличие (трудового и миграционного) опыта и потенциальная поддержка со стороны общин позволяют мигрантам выстраивать свои (почти) индивидуальные (или подчиненные групповым требованиям) практики инклюзии.

«Я приехал сюда [в Москву – прим. автора] вместе с дядей. <...> Он уже сюда ездил несколько раз. Сказал, что можно будет нормально зарабатывать, и может получить [получить – прим. автора] потом гражданство [России – прим. автора]. <...> Сначала трудно было, я языком плохо владею, родственники, которые здесь [работают и живут – прим. автора] помогли и с жильем, и с работой, сейчас живем в квартире. Нас там шесть человек. Некоторые уезжают, приезжают другие» (м., 23 года, Узбекистан, МУП «Жилищник», интервью с переводчиком).

В этих условиях разрыв между планами, надеждами и результатом миграционных усилий (относительная депривация) оказывается минимальным. Сформированные социальные сети мигрантов, интенсивный обмен информацией позволяют на основе кровородственных и земляческих связей с минимальными затратами пройти первичную адаптацию к принимающему сообществу.

Таблица 2. «Какие планы были у Вас, когда Вы ехали в Россию первый раз? Какие из этих планов осуществились на сегодняшний день?», %⁷

	Надежды/планы	Осуществилось
Найти хотя бы какую-нибудь работу	23,4	25,8
Найти работу с хорошим заработком	62,7	61,6
Найти работу, соответствующую моему опыту и квалификации	9,1	8,9
Получить/продолжить образование	6,3	4,9
Приобрести профессию, повысить квалификацию	7,2	6,8
Выйти замуж/жениться, найти пару	4,0	3,6
Дать образование детям	3,0	3,8
Избежать службы в армии	0,3	0,3
Бежать от войны	0,3	0,5
Остаться жить в России/получить гражданство РФ	5,2	4,6
Поехал(а) вместе с семьей/к семье, родственникам	16,2	-
Другое	1,4	2,9
Никакие планы не осуществились	-	1,3

Необходимо отметить, что одним из доминирующих режимов (сценариев) пребывания мигрантов в современной России становится маятниковая миграция (таблица 3), при которой происходит цикличное перемещение между страной исхода и Россией.

Таблица 3. Трансформация планов относительно пребывания в России, %⁸

	Планы в первый визит в РФ	Текущие планы на проживание в РФ
Остаться в России навсегда	13,8	21,1
Заработать денег и через несколько месяцев вернуться в страну, откуда приехал(а)	16,2	8,2
Поработать год-другой и вернуться в страну, откуда приехал(а)	44,9	37,7
Постоянно ездить между Россией и страной, откуда приехал(а)	14,0	22,4
Завершить образование и вернуться в страну, откуда приехал(а)	1,9	1,1
Пожить в России немного и переехать в другую страну	1,4	2,4
Другое	4,3	2,6
Нет ответа, затрудняюсь ответить	3,5	4,5

⁷ [Мокин 2024, с. 72–86].

⁸ [Мокин 2024, с. 72–86].

Более детализировано по стране исхода можно отметить, что на цикличное перемещение между Россией и страной исхода ориентированы представители Белоруссии, Молдовы, Киргизии, Узбекистана, Таджикистана (таблица 4). Данный вид миграции обеспечивает непрерывную ротацию трудовых ресурсов в основном из стран Центральной и Средней Азии и стимулирует воспроизводство «прагматичной культуры» мигрантского сообщества [Кузнецов, Мукомель 2005], формирует центростремительные силы, способствующие кристаллизации социальных структур миграционных общин, практик встречной адаптации мигрантов-неофитов со стороны мигрантского принимающего сообщества (предоставление жилья, информационная поддержка, защита и т. д.).

Таблица 4. «Когда Вы ехали в Россию первый раз, каковы были Ваши планы относительно Вашего проживания в России? Каковы сейчас Ваши планы относительно проживания в России?», %

	Гражданство								
	Азербайджан	Армения	Белоруссия	Казахстан	Киргизия	Молдова	Таджикистан	Узбекистан	Украина
Остаться в России навсегда	34,7	38,3	15,2	26,3	11,8	20,9	14,1	8,9	29,2
	57,3	60,0	19,1	26,3	18,3	45,3	20,0	13,5	51,4
Заработать денег и через несколько месяцев вернуться в страну, откуда приехал(а)	4,0	3,5	16,7	2,6	15,8	15,1	19,2	17,5	8,3
	1,3	0,9	8,8	5,3	7,9	2,3	10,0	9,4	1,4
Поработать год-другой и вернуться в страну, откуда приехал(а)	28,0	19,1	21,1	36,8	50,4	34,9	45,1	51,4	30,6
	12,0	10,4	16,2	21,1	42,6	8,1	40,4	45,3	5,6
Постоянно ездить между Россией и страной, откуда приехал(а)	6,7	8,7	21,1	10,5	14,8	14,0	12,2	15,0	9,7
	14,7	13,0	29,4	18,4	23,8	30,2	20,6	23,9	1,4
Завершить образование и вернуться в страну, откуда приехал(а)	6,6	9,6	2,0	7,9	2,1	0,0	1,2	1,1	0,0
	0,0	1,8	2,5	2,6	1,3	0,0	0,6	1,2	0,0
Пожить в России немного и переехать в другую страну	4,0	1,8	5,9	5,4	1,2	1,2	1,0	0,9	5,6
	4,0	4,3	11,8	13,2	1,4	8,1	1,1	1,0	6,9
Другое	9,3	13,0	9,3	2,6	2,4	8,1	4,6	2,4	9,7
	5,3	4,4	5,4	2,6	1,3	3,5	3,9	1,1	13,9
Нет ответа, затрудняюсь ответить	6,7	6,0	8,7	7,9	1,5	5,8	2,6	2,8	6,9
	5,4	5,2	6,8	10,5	3,4	2,5	3,4	4,6	19,4

*Примечание: серым цветом выделены строки текущих планов мигрантов на проживание в России.

Введение новых нормативно-правовых требований к нахождению трудовых мигрантов в России лишь усилило эту тенденцию: в основном это коснулось представителей стран бывшего СНГ, имеющих право на безвизовое пребывание в России⁹. При этом можно выделить два вектора трансформации отношений «государство–община». *Первый* связан с проводимой рестрикционной политикой государства в отношении мигрантов. Следует обратить внимание на усилия государства по недопущению создания территориальных анклавов¹⁰, ограничение сроков пребывания мигрантов из безвизовых стран на территории РФ: с 1 января 2025 г. максимальный безвизовый срок сократился с 180 дней до 90 суток; с 5 февраля 2025 г. у пограничников пограничной службы ФСБ появилось больше оснований в отказе на въезд, причем только на основании того, что иностранец может угрожать национальной безопасности России. Сюда необходимо добавить и запрет на работу иностранцев в определенных сферах, и квотирование числа иностранных сотрудников как в отдельных экономических отраслях, так и в регионах: наряду с федеральными нормами (квотами) занятости мигрантами рабочих мест существуют и региональные, когда главы субъектов РФ могут полностью запретить мигрантам работу в определенных сферах. Отдельным фактором, требующим серьезного обсуждения, является ограничение при приеме в школу детей-мигрантов, недостаточно владеющих русским языком¹¹. Последнее, на наш взгляд, должно вызывать наибольшую озабоченность, поскольку именно дети (родившиеся в России, полукоренное поколение), как показывает опыт других иммиграционных стран (США, Канада, Австралия и т. д.), становятся ключевыми элементами адаптации и последующей интеграции старших членов семьи – потенциальных граждан страны. Именно дети мигрантов выступают триггером взаимодействия с местным населением, становясь проводниками через отношения со сверстниками и одноклассниками и передавая в семьи нормы и социальные практики совместного общежития, принятые в местном (принимающем) сообществе. Отказ от этого «ресурса будущего» может весьма негативно сказаться в последующем развитии страны.

Второй вектор – это ответная рефлексия миграционных сообществ на ограничительные политические и социальные практики государства. С одной стороны, мигранты (миграционные сообщества) стремятся к визуализации своего присутствия в местном принимающем сообществе посредством участия в массовых, в первую очередь религиозных праздниках, через создание этнокафе, мест обеденного перерыва, которые демонстрируют присутствие общины и являются социально-культурными и экономическими центрами воспроизводства исходной территориальной идентичности мигрантов без страха ее утери. С другой стороны, фиксируются отказ этнических общин от территориальной экспансии

⁹ Федеральный закон от 08.08.2024 г. № 260-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (2024) // Президент России // <http://www.kremlin.ru/acts/bank/51023/page/1>, дата обращения 26.09.2025.

¹⁰ Указ 12 мая 2023 г. «О внесении изменений в концепцию государственной миграционной политики Российской Федерации на 2019–2025 годы, утвержденную указом президента Российской Федерации от 31 октября 2018 г. № 622» (2023) // Президент России // <http://www.kremlin.ru/acts/bank/49202>, дата обращения 26.09.2025.

¹¹ Федеральный закон от 28.12.2024 № 544-ФЗ О внесении изменений в статьи 67 и 78 Федерального закона «Об образовании в Российской Федерации»; Приказ от 04.03.2025 № 170 «Об утверждении Порядка проведения в государственной или муниципальной общеобразовательной организации тестирования на знание русского языка, достаточное для освоения образовательных программ начального общего, основного общего и среднего общего образования, иностранных граждан и лиц без гражданства» (2025) // <http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202503140026?ysclid=maz3d7kpkw150413083>, дата обращения 26.09.2025.

в отношении локальных территорий (формирования территориальных анклавов и локальных поселений) и переход в параллельную виртуальную плоскость, т. е. происходит цифровизация деятельности кланово-родственных и территориально-этнических общин, которая проявляется не только в активности общения с близкими на территории исхода, но и с соотечественниками внутри общины. Цифровое капсулирование мигрантских общин приводит к тому, что большей части мигрантов нет необходимости предпринимать усилия по адаптации и интеграции в местное сообщество. Редкость контактов с местным населением и ограниченный круг общения с «местными» в рамках трудовой деятельности восполняются частотой коммуникаций по мобильной связи с земляками, проживающими в России, и родственниками, оставшимися на территории исхода (таблица 5).

Таблица 5. Частота взаимодействия мигрантов с близкими и родственниками в стране исхода, %¹²

Гражданство	«Как часто Вы общаетесь с членами семьи, родственниками и друзьями, живущими в стране, из которой Вы приехали?»					
	Каждый день, почти каждый день	1–3 раза в неделю	1–3 раза в месяц	Несколько раз в год	«Я не общаюсь с семьей и друзьями в стране, из которой приехал(а)»	Нет ответа, затрудняюсь ответить
Азербайджан	41,9	33,8	10,8	4,1	5,3	4,1
Армения	31,6	29,8	25,4	10,5	1,8	0,9
Белоруссия	33,5	31,6	22,2	5,7	4,2	2,8
Казахстан	33,3	23,1	15,4	12,8	12,8	2,6
Киргизия	63,8	27,1	5,7	1,1	1,2	1,1
Молдова	37,2	30,2	18,6	9,3	3,5	1,2
Таджикистан	72,7	18,4	5,2	0,8	1,3	1,6
Узбекистан	70,6	21,8	3,6	1,0	1,1	1,9
Украина	16,4	24,7	31,5	1,4	12,3	13,7

Также ярким примером последствий цифровизации адаптации может являться показатель лингвистической компетенции мигрантов: чем уже круг общения, тем чаще они общаются на родном языке, а использование современных цифровых Интернет-приложений еще больше упрощает трудовую деятельность мигрантов. Наиболее ярко это демонстрирует работа курьеров, доставщиков еды и т. д.: вся необходимая информация по доставке визуализирована на телефоне, а для общения с заказчиком необходим минимальный словарный запас. Но в отношении взаимоотношений со «своими» (чем уже круг общения и чем интенсивнее межличностные связи) чаще всего доминирует язык общения страны исхода (таблица 6).

¹² [Мокин 2024, с. 72–86].

Таблица 6. «На каком языке Вы чаще всего общаетесь в России?», обобщенная таблица, %

	На русском	На русском и на другом в равной степени	На другом	Затрудняюсь с ответом
На работе	71,6	20,4	3,8	4,2
С друзьями	23,2	46,0	30,6	0,2
Дома	16,1	24,9	58,5	0,5

Наиболее часто язык страны исхода используется в рамках семьи и относительно редко в процессе работы выходцами из стран Средней Азии – Киргизии, Таджикистана, Узбекистана (таблица 7). Однако, если рассматривать их работу через призму товарищеских, дружеских отношений внутри коллектива, можно отметить, что родной язык используется достаточно активно. В частности, респонденты отмечают:

«Мы в своей бригаде говорим на узбекском. <...> У нас все из Узбекистана <...> делимся новостями, во время работы говорим, кто что будет делать» (м., 35 лет, Узбекистан, ЖК «Кронштадтский, 9»);

«Наш бригадир говорит с заказчиками [на русском – прим. автора], а потом нам говорит, что и когда надо сделать. <...> Мы все здесь [в бригаде – прим. автора] сами из Памира, говорим на своем, другие не говорят [почти – прим. автора] по-русски» (м., 39 лет, Таджикистан, ЖК «Кронштадтский, 9»).

Важно отметить и роль инклюзии в этнические виртуальные сети на территории нахождения мигранта как системы мощной внутриобщинной социально-экономической поддержки. Благодаря общине посредством выстроенных социальных контактов виртуальные сети используются как специфические бизнес-справочники (поиска места и условий работы), внутренние «доски рекламных объявлений», каналы передачи материальных ресурсов в страну (территорию) исхода. При этом община способна взять на себя определенные посреднические функции.

«Я когда приехал сюда [в Москву – прим. автора], рассчитывал только на определенный заработок. Потом мне сказали, что можно работать в нескольких местах сразу [без оформления – прим. автора]. <...> Работаю сейчас в трех местах. На одном объекте закончу, найду другую. Мы же все общаемся постоянно. Сейчас работаю на стройке [в новых домах – прим. автора], многие, как только селятся, сразу меняют двери [входные – прим. автора]. Я их [старые, от застройщика – прим. автора] сейчас выкупаю, где за три, где за пять тысяч. Дома [в Узбекистане – прим. автора] они даже такие стоят по 15–20 тысяч. <...> Отправляем их фурой. Мы [община – прим. автора] договариваемся, собираем деньги на дорогу, и мы их туда отправляем. Свои люди оформляют документы» (м., 43 года, Узбекистан, ЖК «Кронштадтский, 9»).

Таблица 7. «На каком языке Вы чаще всего общаетесь в России?», %

		Гражданство								
		Азербайджан	Армения	Белоруссия	Казахстан	Киргизия	Молдова	Таджикистан	Узбекистан	Украина
На работе	На русском	77,3	72,4	88,2	89,5	79,2	94,2	66,5	61,5	95,9
	На русском и другом в равной степени	4,0	15,6	4,3	7,9	15,6	3,5	23,9	29,3	4,1
	На другом	1,4	1,7	0,0	0,0	2,5	0,0	4,4	6,4	0,0
	Затрудняюсь ответить	17,3	10,3	7,5	2,6	2,7	2,3	5,2	2,8	0,0
С друзьями	На русском	42,6	25,0	87,3	52,6	16,6	55,8	14,8	13,8	84,9
	На русском и другом в равной степени	42,7	66,4	12,7	42,1	52,6	41,9	50,0	44,1	11,0
	На другом	14,7	8,6	0,0	5,3	30,6	2,3	35,1	41,7	4,1
	Затрудняюсь ответить	0,0	0,0	0,0	0,0	0,2	0,0	0,1	0,4	0,0
Дома	На русском	37,3	11,2	83,0	52,6	9,8	52,3	7,1	6,2	82,2
	На русском и другом в равной степени	48,0	69,8	14,2	39,5	29,8	32,6	22,3	18,3	6,8
	На другом	14,7	19,0	2,4	7,9	59,9	15,1	70,2	74,9	9,6
	Затрудняюсь ответить	0,0	0,0	0,4	0,0	0,5	0,0	0,4	0,6	1,4

По сути, развитая сеть мобильной связи и обмена данными позволяет мигрантам пребывать в режиме трансграничности, при котором, находясь в принимающем российском обществе, они могут практически непрерывно быть на связи с близкими и получать информацию о новостях в своей стране. Виртуализация внутриобщинных социальных сетей представляет для мигрантов безопасную площадку для общения на родном языке и укрепления общеразделяемых этнокультурных ценностей, позволяет решать многие проблемы коммуникации, формируя и укрепляя этническую и этнотерриториальную солидарность.

Таким образом, существующие процессы виртуализации (цифровизации) миграционных процессов в части анклавизации (капсулирования) вкупе с краткосрочностью пребывания в стране, введенные ограничения по срокам пребывания и условиям занятости фактически сводят на нет усилия отдельных государственных структур, национально-культурных объединений по адаптации и интеграции инокультурных трудовых мигрантов в российское сообщество.

Виртуализация территориальной идентичности как фактор формирования цифровых этнокультурных анклавов

Для понимания феномена цифровой диаспоры предлагается использовать подход М. Дабага и К. Платта, в котором ключевая роль отводится диаспоральной идентичности [Dabag, Platt 1993, pp. 117–145]. Авторы рассматривают диаспору не как специфическую судьбоносную ситуацию, а как *общественную модель, создающую идентичность*, которая может предложить некие коллективные ориентиры и создавать общественные институты. Это вытекает из тезиса о том, что стиль диаспоры формируется на основе взаимодействия традиций и современности, опыта и воспоминаний, а также взаимодействий историй, культур, языков и ориентаций трех акторов отношений – диаспоры, принимающей страны и территории исхода.

Этнические миграционные сообщества являются ключевым элементом в системе воспроизводства (исходной) территориальной идентичности, а она в свою очередь не только лежит в основе формирования общин диаспор, но и стимулирует формирование и воспроизводство этнических анклавов.

Современная цифровая диаспора в контексте вышесказанного может рассматриваться как форма институционализации (проекции) специфической социально-культурной организации этнического миграционного меньшинства в виртуальном пространстве, включая в себя членов этого сообщества (пользователей сетевых ресурсов общины в качестве социального капитала) на конкретной территории. При этом ключевым фактом, который позволяет приписывать свойство диаспор определенным этническим группам, живущим вне своей исторической (символической) родины, становится наличие у членов данного сообщества диаспорной идентичности. Цифровой диаспорной идентичностью является многогранная идентичность, которая обусловлена структурой диаспоры, отличается динамизмом и отражает региональные особенности. В качестве базовой идентичности как связующего элемента многогранности выступают основные элементы этнической/исходной территориальной идентичности страны исхода, приобретаемые с детства в процессе социализации. Цифровая диаспорная идентичность обеспечивает использование общинной стратегии вследствие возможности мобилизации как по этническому признаку, так и по стране (территории) исхода. Основание мобилизации – это территориальная идентичность более высокого уровня, чем собственно этническая идентичность и/или кровородственные отношения.

Базисом объединения в локальные мигрантские сообщества в мегаполисе выступает исходная территориальная идентичность. В широком понимании мы исходим из того, что «территориальная идентичность – это вид аскриптивной привязанности, основанной на регулярной интеллектуальной, психологической и эмоциональной практике соотнесения и последующей самоидентификации индивидом себя с определенной территорией, локальным сообществом, регионом, который характеризуется территориальной, историко-культурной, социальной нормативно-правовой и лингвистической особостью» [Мокин, Барышина 2023, с. 101–111].

С инструментальной точки зрения, территориальная идентичность – это комплекс социальных связей и артикулируемых в их контексте взаимоотношений, включающих в себя смысловое (когнитивное) наполнение повседневных социальных,

экономических, культурных и политических практик, которые предполагают как минимум: (а) уникальность по сравнению с подобными практиками на других (в т. ч. принимающих) территориях; (б) глубинность и разделяемость общих ценностей, идеалов и интересов жителями локального сообщества; (в) понятность (транспарентность) этих ценностей и интересов как для самих членов территориального сообщества, так и для внешних акторов, в отношении которых формируется дихотомия отношений «свой-чужой». При этом территориальная идентичность обладает способностью включить в себя практически все виды индивидуальных и групповых идентификационных стратегий (гражданской, этнической, конфессиональной и т. д.) и является мощнейшим мобилизационным ресурсом. Анализ показывает, что инклюзия (первичная адаптация) в «местное» миграционное сообщество происходит в первую очередь по схеме кровородственных связей («через-через-через») и лишь потом по этнотерриториальному признаку. Но во всех случаях определяющими остаются знание языка, культурных паттернов исходного территориального сообщества и расширенные родственные связи, составляющие базис социального капитала мигранта.

Можно выделить три стимулирующих фактора этнокультурной анклавизации. *Первый* – это осознание мигрантом кратковременности пребывания в России, что фиксируется у мигрантов в осознании отсутствия необходимости последовательной интеграции в принимающее сообщество при наличии разветвленной системы социальных миграционных (внутри- и межгрупповых) сетей. Безусловно, реальный процесс взаимодействия определяется непосредственным, живым общением, при котором собеседники видят друг друга, чувствуют взаимные эмоции. Однако в современных условиях цифровизации происходит поступательная подмена живого общения на виртуальное, сжимание реальных (этно)контактных зон, что приводит к проблемам из-за фактического отсутствия у мигрантов навыков реального общения с представителями других этногрупп и местным населением. По сути, это подтверждение акторно-сетевой теории Б. Латура, которая строится на допущении фактического слияния традиционных социальных связей с виртуальными социальными сетями [Латур 2014].

Второй фактор этнокультурной анклавизации заключается в понимании, что социальные сети (в терминологии Дж. Урри [Урри 2012]) и социальный капитал (в понимании Р. Патнема [Putnam 2002]), заработанный в периоды нахождения в РФ, имеют накопительный эффект и стимулируют их воспроизводство – в первую очередь внутри общины на территории приема. Это помогает выработать мигрантам-«новичкам» собственные, более эффективные миграционные стратегии с учетом опыта предыдущих миграционных волн. Социальные сети позволяют циркулировать социальному капиталу внутри общины (сообщества). Исследования И.М. Кузнецова и В.И. Мукомеля позволили сформулировать в общих чертах сети связей мигрантов по основным направлениям (меж)личностных трансфертов [Кузнецов, Мукомель 2005, с. 12]. В частности, были введены показатели, которые предоставляют возможность реконструировать сети связей мигрантов. Полученная в результате исследования сетевая структура была представлена как «совокупность лиц, с которыми общается мигрант и связей того или иного характера между ним и общающимися лицами (членами миграционного сообщества)» [Кузнецов, Мукомель 2005, с. 13]. На основе проведенного авторами анализа были выделены ключевые содержательные аспекты перемещения социального капитала внутри

общин, а именно: (а) обмен информацией; (б) помощь деньгами; (в) использование наличного сетевого капитала во взаимодействии с контрагентами вне своей этногруппы (людьми во власти, финансовыми посредниками и т. д.). Безусловно, многогранность социального капитала этнической миграционной общины этим не исчерпывается, но приведенная структура дает достаточно четкое представление о ее иерархии. На первых местах стоит обмен информацией и опытом, при этом одну из ключевых ролей играет территориальная, кровородственная связь, в том числе через участие в «организации семейных или религиозных праздников, похорон, свадеб» [Кузнецов, Мукомель 2005, с. 14]. Это именно та социальная точка, где территориальная идентичность выполняет свою ключевую роль мобилизации и солидаризации; далее следуют вопросы финансовой и социальной поддержки «своих» и т. д. Важно отметить, что данные аспекты внутригруппового общения в силу современных цифровых реалий часто переходят в режим виртуальности: отправить SMS-сообщение с соболезнованием или поздравлением, перечислить деньги на банковскую карту по номеру телефона и т. д. – это уже современный цифровой вариант инклюзии в современное мигрантское этнокультурное сообщество.

Третий фактор этнокультурной анклавизации состоит в осознании того факта, что современные информационные технологии позволяют мигрантам максимально выгодно конвертировать наличный социальный капитал, более независимо регулировать собственные финансовые операции (безналичная оплата в магазинах, системы денежных переводов на родину и т. д.). Так, в «Докладе о миграции в мире 2022 года» были детально зафиксированы вопросы, опасения и потенциальные угрозы использования цифровых технологий в миграционных процессах: «Цифровые технологии приобретают все более решающее значение во всем процессе миграции. Люди могут собирать информацию и получать советы в режиме реального времени во время миграционных поездок, что вызывает как интерес, так и подчас беспокойство. Использование приложений для обмена информацией и установления связи между географически разбросанными группами поднимает обоснованные вопросы о том, в какой степени цифровые технологии используются для поддержки нелегальной миграции, а также для того, чтобы мигранты могли избежать злоупотреблений и эксплуатации со стороны контрабандистов и торговцев людьми. Мигранты также разработали приложения для поддержки лучшей интеграции в принимающих странах, сохранения при этом социальных связей и финансовую поддержку своих семей и общества на родине, в том числе за счет растущего распространения приложений “мобильных денег”» [McAuliffe, Triandafyllidou 2022, p. 6]. *More:* «Совсем недавно мы стали свидетелями того, как мигранты разрабатывают онлайн-чат-боты с использованием технологий машинного обучения для оказания психологической поддержки, а также для помощи в выполнении сложных требований миграционной политики и оформления виз, хотя цифровой захват в различных миграционных системах все большего объема личной информации вызывает опасения по поводу конфиденциальности и других вопросов прав человека» [McAuliffe, Triandafyllidou 2022].

Прибывая в Россию, мигранты из стран СНГ сталкиваются с трудностями, связанными с получением разрешительных документов, вопросами трудоустройства, поиском жилья, и в таких ситуациях социальные сети становятся ключевым источником информации, где они могут найти ответы на свои вопросы, обратившись к опыту других мигрантов. Социальные электронные сети превратились

в один из наиболее доступных каналов информации для мигрантов: в виртуальном пространстве, формируя онлайн-сообщества, они делятся опытом и находят решения для схожих трудностей. В этнокультурных общинах, представленных в социальных сетях, сосуществуют различные группы, отличающиеся по социально-экономическому и политическому статусу, что формирует особую иерархическую структуру даже внутри виртуального сообщества [Кужелева-Саган и др. 2016]. При этом исходная территориальная идентичность, изменяя свою форму (ре)презентации, сохраняет собственную сущность как ключевой аспект консолидации, мобилизации и внутренней организации этнокультурного сообщества.

Выводы

Московский мегаполис является центром миграционного притяжения в России и самым крупным рынком труда, привлекающим к себе не только мигрантов из российских регионов, но и инокультурных мигрантов, причем доминирующей формой миграции в московский мегаполис является экономическая.

Из-за введения достаточно жестких лимитов на формы занятости мигрантов и сроки пребывания, а также дополнительных ограничений, касающихся нахождения мигрантов на территории Москвы и Московской области¹³, основными стратегиями для выходцев из стран ЦСА стали маятниковая миграция и максимально быстрое включение в социально-экономические процессы с целью зарабатывания денег, чему способствуют современные условия цифровизации. В то же время необходимо осознавать, что сокращение времени нахождения мигранта в стране лавинообразно снижает все социокультурные интеграционные усилия государства (в рамках государственной национальной политики и государственной миграционной политики) и общественных национально-культурных организаций.

На основе проведенного анализа можно сделать выводы, что основой объединения мигрантов в локальные этнокультурные миграционные сообщества (анклавы) как в явном, так и в цифровом виде остается исходная территориальная идентичность, выступающая коллектором всех исходных форм идентичности (этнической, конфессиональной, кланово-родственной и т. д.).

Под влиянием процессов глобализации и цифровизации наблюдаются отход этнокультурных миграционных сообществ от территориальной экспансии в отношении локальных территорий и переход в параллельную (виртуальную) плоскость. По сути, мы наблюдаем формирование квазитерриториальных виртуальных анклавов, цифровых диаспор, построенных по этнонациональному, земляческому, кланово-родственному принципу. Это обеспечивает относительно безболезненную адаптацию (новых) мигрантов к условиям принимающего населения, а с другой стороны, как любой процесс анклавизации, капсулирования это приводит к практикам самосегрегации групп мигрантов, сведению на нет усилий по адаптации мигрантов со стороны принимающего общества (институтов государства).

---

¹³ Мигрантам лезут в телефон. В Москве и Подмосковье запустят эксперимент по отслеживанию иностранцев через смартфоны // Коммерсантъ. 21 мая 2025 // https://www.kommersant.ru/doc/7736794?utm_source=newspaper&utm_medium=email&utm_campaign=newsletter, дата обращения 26.09.2025.

В условиях виртуализации внутригрупповых (внутриобщинных) отношений, сжимания этноконтактных зон взаимодействия с принимающим населением у мигрантов нет необходимости в интегративных усилиях, поскольку кратковременность пребывания в стране, узость контактов с местным населением, ограниченный круг общения в рамках трудовой деятельности достаточно спокойно компенсируются частотой общения с земляками «здесь» и родственниками «там». Наличие разветвленной системы социальных миграционных сетей (в том числе и в цифровом формате) позволяет достаточно эффективно использовать наличный социальный капитал как самого мигранта, так и общины.

Современная цифровая диаспора может рассматриваться как форма институционализации (проекции) специфической социально-культурной организации этнического миграционного меньшинства в виртуальном пространстве, включающая в себя членов этого сообщества (пользователей сетевых ресурсов общины как социального капитала) на конкретной территории. Цифровая диаспорная идентичность обеспечивает использование общинной стратегии вследствие возможности мобилизации как по этническому признаку, так и по стране (территории) исхода.

Список источников

- Барышная Н.А. (2023) Моноэтнические поселения в Саратовской области: этнокультурная интеграция или сегрегация? // Социальная политика и социология. Т. 22. № 3 (148). С. 7–13. DOI: 10.17922/2071–3665–2023-22-3-7-13
- Бедрина Е.Б. (2018) Этнические анклав мигрантов в городском пространстве российских регионов // XII Международная конференция «Российские регионы в фокусе перемен». Екатеринбург, 16–18 ноября 2017 г.: сборник докладов. Ч. 1. Екатеринбург: УМЦ УПИ. С. 697–704.
- Варшавер Е., Рочева А., Иванова Н., Ермакова М. (2020) Места резидентной концентрации мигрантов в российских городах: есть ли паттерн? // Социологическое обозрение. Т. 19. № 2. С. 225–253. DOI: 10.17323/1728-192x-2020-2-225-253
- Вендина О.И. (2009) Культурное разнообразие и «побочные» эффекты этнокультурной политики в Москве // Зайончковской Ж.А. (ред.) Иммигранты в Москве. М.: Три квадрата. С. 45–147.
- Илинбаева Е.А. (2016) К вопросу образования анклавов мигрантов // Российские регионы в фокусе перемен: сборник докладов XI Международной конференции. В 2-х томах, Екатеринбург, 17–19 ноября 2016 г. Т. 1. Екатеринбург: Издательство УМЦ УПИ. С. 328–337.
- Константинов В.В. (2014) Особенности отношения к мигрантам в условиях медиавоздействия // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Акмеология образования. Психология развития. Т. 3. № 1. С. 53–56. DOI: 10.18500/2304–9790-2014-3-1-53-56
- Кужелева-Саган И.П., Глухов А.П., Ахметова Л.В. и др. (2016) «Цифровые диаспоры» мигрантов из Центральной Азии: виртуальная сетевая организация, дискурс «воображаемого сообщества» и конкуренция идентичностей. Томск: Томский государственный университет.
- Кузнецов И.М., Мукомель В.И. (2005) Адаптационные возможности и сетевые связи мигрантских этнических меньшинств. М.: Институт социологии РАН.
- Латур Б. (2014) Пересборка социального: введение в акторно-сетевую теорию. М.: ВШЭ.
- Мадюкова С.А., Персидская О.А. (2017) Анклавизация как стратегия межэтнических взаимодействий в крупном городе (на примере Новосибирска) // ЭКО. Т. 47. № 10. С. 36–51. DOI: 10.30680/ЕCO0131-7652-2017-10-36-51

- Мокин К.С. (2024) Траектории социальных лифтов мигрантов в России: пути адаптации и интеграции в принимающие сообщества // Информационно-аналитический бюллетень (ИНАБ). Межэтнические отношения, идентификационные и интеграционные процессы в период социальных трансформаций. № 1. С. 72–86. DOI: 10.19181/INAB.2024.1.7
- Мокин К.С., Барышная Н.А. (2023) Территориальная идентичность: структура, границы, воспроизводство // Социологические исследования. № 6. С. 101–111. DOI: 10.31857/S013216250024235-1
- Николаенко Г.А. (2014) Причины возникновения и особенности таджикских моноэтнических анклавов в центре Санкт-Петербурга // Современный город: настройка социологической оптики. Сборник научных статей по итогам III-й ежегодной социологической школы. СПб.: Изд. центр экономического ф-та СПбГУ. С. 119–134.
- Тимошкин Д.О., Пчелкина Д.С., Самарин А.С., Хворостов В.В., Томилин Р.В. (2023) Социальные медиа как механизм (вос)производства миграционных стратегий (на примере цифровых площадок русскоязычных мигрантов в Корее) // Социологический журнал. Т. 29. № 2. С. 25–50. DOI: 10.19181/socjour.2023.29.2.2
- Урри Дж. (2012) Мобильности. М.: Практика.
- Berry J.W. (1996) Acculturation and Psychological Adaptation // *MigraEthnizität – Konflikt: Systemfragen und Fallstudien* (Hg. Bade K.J.), IMIS-Schriften, Bd.1. Osnabrück, pp. 171–186.
- Berry J.W. (1997) Immigration, Acculturation, and Adaptation // *Applied Psychology: An International Review*, vol. 46, no 1, pp. 5–34. DOI: 10.1111/j.1464-0597.1997.tb01087.x
- Bryson E. (2003) Functions of Urban Ethnic Enclaves with a Focus on South Boston's Ethnic Irish Enclave in a Historical Perspective // *Open Access Master's Theses* // <https://digitalcommons.uri.edu/theses/1768/>, дата обращения 26.09.2025.
- Dabag M., Platt K. (1993) Diasporas und Kollektive Gedachtnis. Zur konstruktion kollektiver Identitäten in der Diaspora // *Identität in der Fremde* (Hg. Dabag M., Platt K.), Bochum, pp. 117–145.
- McAuliffe M., Triandafyllidou A. (eds.) (2022) *The World Migration Report 2022*. International Organization for Migration (IOM), Geneva // <https://publications.iom.int/es/node/3166>, дата обращения 26.09.2025.
- Putnam R.D. (2002) *Democracies in Flux: The Evolution of Social Capital in Contemporary Society*, Oxford: Oxford University Press.
- Qadeer M., Agrawal S.K., Lovell A. (2010) Evolution of Ethnic Enclaves in the Toronto Metropolitan Area, 2001–2006 // *Journal of International Migration and Integration*. August 2010 / *Revue de l'Integration de la Migration Internationale*, vol. 11, no 3, pp. 315–339. DOI: 10.1007/s12134-010-0142-8
- Wang W., Zhou S., Fan C. (2002) Growth and Decline of Muslim Hui Enclaves in Beijing // *Eurasian Geography and Economics*, vol. 43, no 2, pp. 104–122. DOI: 10.1080/10889388.2002.10641195

The Virtualization of Territorial Identity and the Formation of Migrant Digital Enclaves in Moscow

K.S. MOKIN*

*Konstantin S. Mokin – DSc in Sociology, Senior Researcher, Institute of Sociology of FCTAS RAS, Moscow, Russian Federation; mokin_konstantin@list.ru; <https://orcid.org/0000-0002-5670-8118>

Citation: Mokin K.S. (2026) The Virtualization of Territorial Identity and the Formation of Migrant Digital Enclaves in Moscow. *Mir Rossii*, vol. 35, no 1, pp. 6–27 (in Russian). DOI: 10.17323/1811-038X-2026-35-1-6-27

Abstract

This article examines the formation of ethnic enclaves in Moscow and outlines the diversity of research approaches to understanding migratory ethnocultural enclaves. Using the example of Moscow, it demonstrates the crystallization of ethnic enclaves based on the digital reproduction of migrants' original territorial identity and identifies the key factors that stimulate ethnocultural diasporization.

The empirical basis of the study is a large-scale survey on adaptation and integration conducted by HSE University in 2023 (N = 3,533) and 48 semi-structured interviews with labor migrants aimed at identifying motives and strategies of adaptation and integration into the host society. In addition, the article analyzes online media sources that report on changes in legislation concerning migrants, the formation of public phobias, and shifts in migration policy discourse.

Moscow represents the largest center of migration in Russia and the country's biggest labor market. In 2024, 6.17 million people were registered as migrants in Russia, including 3.34 million foreign citizens and stateless persons in Moscow—over half of the total migration inflow.

The (re)production of diaspora identity is driven by the continued tightening of state restrictions on foreign cultural migrants and by the corresponding response of migrant communities to these restrictive political and social practices. The study records a shift from the territorial expansion of ethnic communities (through the establishment of local enclaves and settlements) toward the formation of parallel virtual spaces. The increasing digitalization of clan-based and territorial-ethnic networks manifests itself in active communication with relatives in the country of origin and within local communities.

The virtualization—or digital encapsulation—of migrant communities reduces the need for adaptation and integration into the host society, thereby reinforcing enclavization in Moscow. Modern technology enables migrants to maximize the benefits of converting their social capital within their communities and in interactions with the local population, contributing to the reproduction of a communal (enclave) identity.

Keywords: *migration, ethnic enclaves, territorial identity, diasporic identity, institutionalization of ethnicity, virtualization of enclavization, social mobilization, social capital, social networks, Moscow*

References

- Baryshnaya N.A. (2023) Mono-Ethnic Settlements in the Saratov Region: Ethno-Cultural Integration or Segregation? *Social Policy and Sociology*, vol. 22, no 3, pp. 7–13 (in Russian). DOI: 10.17922/2071-3665-2023-22-3-7-13
- Bedrina E. (2018) Ethnic Enclaves of Migrants in Urban Space of Russian Regions. *XII International Conference “Russian Regions in the Focus of Change”*. Yekaterinburg, November 16–18, 2017: Collection of Reports. Yekaterinburg: UMTS UPI, pp. 697–704 (in Russian).
- Berry J.W. (1996) Acculturation and Psychological Adaptation. *MigraEthnizität – Konflikt: Systemfragen und Fallstudien* (Hg. Bade K.J.), IMIS-Schriften, Bd.1. Osnabrück, pp. 171–186.
- Berry J.W. (1997) Immigration, Acculturation, and Adaptation. *Applied Psychology: An International Review*, vol. 46, no 1, pp. 5–34. DOI: 10.1111/j.1464-0597.1997.tb01087.x
- Bryson E. (2003) Functions of Urban Ethnic Enclaves with a Focus on South Boston’s Ethnic Irish Enclave in a Historical Perspective. *Open Access Master’s Theses*. Available at: <https://digitalcommons.uri.edu/theses/1768/>, accessed 26.09.2025.
- Dabag M., Platt K. (1993) Diasporas und Kollektive Gedächtnis. Zur konstruktion kollektiver Identitäten in der Diaspora. *Identität in der Fremde* (Hg. Dabag M., Platt K.), Bochum, pp. 117–145.
- Ilinbaeva E.A. (2016) To the Question of Formation of Enclaves of Migrants. *Russian Regions in the Focus of Change*: Collection of Reports of the XI International Conference. In 2 volumes. Yekaterinburg, November 17–19, 2016. Vol. 1. Yekaterinburg: UMTS UPI, pp. 328–337 (in Russian).
- Konstantinov V.V. (2014) Particularities of Attitude to Migrants under Media-Impact Conditions. *Izvestiya of Saratov University. Educational. Series: Acmeology. Developmental Psychology*, vol. 3, no 1, pp. 53–56 (in Russian). DOI: 10.18500/2304-9790-2014-3-1-53-56
- Kuzheleva-Sagan I.P. et al. (2016) “Digital Diaspora” of Migrants from Central Asia: A Virtual Network Organization, the Discourse of “Imagined Community” and Competition of Identity, Tomsk: Tomsk State University (in Russian).
- Kuznetsov I.M., Mukomel V.I. (2005) *Adaptation Opportunities and Network Connections of Migrant Ethnic Minorities*, Moscow: Institute of Sociology of the RAS (in Russian).
- Latour B. (2014) *Reassembling the Social: An Introduction to Actor-Network Theory*, Moscow: HSE (in Russian).
- Madyukova C.A., Persidskaya O.A. (2017) The Enclave Formation Process as a Strategy of Interethnic Interactions in a Large City (on the Example of Novosibirsk). *ECO Journal*, vol. 47, no 10, pp. 36–51 (in Russian). DOI: 10.30680/ECO0131-7652-2017-10-36-51
- McAuliffe M., Triandafyllidou A. (eds.) (2022) The World Migration Report 2022. *International Organization for Migration (IOM)*, Geneva. Available at: <https://publications.iom.int/es/node/3166>, accessed 26.09.2025.
- Mokin K.S. (2024) Trajectories of Migrants’ Social Lifts in Russia: Paths of Adaptation and Integration into Host Communities. *Information and Analytical Bulletin (INAB). Interethnic Relations, Identification, and Integration Processes during Social Transformations*, no 1, pp. 72–86 (in Russian). DOI: 10.19181/INAB.2024.1.7
- Mokin K.S., Baryshnaya N.A. (2023) Territorial Identity: Structure, Boundaries, Reproduction. *Sociological Research*, no 6, pp. 101–111 (in Russian). DOI: 10.31857/S013216250024235-1
- Nikolaenko G.A. (2014) The Causes and Characteristics of Monoethnic Enclaves in the Center of St. Petersburg. *The Modern City: Setting up Sociological Optics. Collection of scientific articles on the results of the III Annual Sociological School* (ed. Bogomyagkova E.S.), St. Petersburg: St. Petersburg State University, pp. 119–134 (in Russian).
- Putnam R.D. (2002) *Democracies in Flux: The Evolution of Social Capital in Contemporary Society*, Oxford: Oxford University Press.

- Qadeer M., Agrawal S.K., Lovell A. (2010) Evolution of Ethnic Enclaves in the Toronto Metropolitan Area, 2001–2006. *Journal of International Migration and Integration. August 2010 / Revue de l'Integration et de la Migration Internationale*, vol. 11, no 3, pp. 315–339. DOI: 10.1007/s12134-010-0142-8
- Timoshkin D.O. et al. (2023) Social Media as a Mechanism for Developing and Reproducing Migration Strategies (Using the Example of Digital Platform Profiles of Russian-Speaking Migrants in Korea). *Sociological Journal*, vol. 29, no 2, pp. 25–50 (in Russian). DOI: 10.19181/socjour.2023.29.2.2
- Urry J. (2012) *Mobility*, Moscow: Praxis (in Russian).
- Varshaver E. et al. (2020) Residential Concentrations of Migrants in Russian Cities: Is There a Pattern? *Russian Sociological Review*, vol. 19, no 2, pp. 225–253 (in Russian). DOI: 10.17323/1728-192x-2020-2-225-253
- Vendina O.I. (2009) Cultural Diversity and the “Side Effects” of Ethnocultural Policy in Moscow. *Immigrants in Moscow* (ed. Zayonchkovskaya J.A.), Moscow: Three squares, pp. 45–147 (in Russian).
- Wang W., Zhou S., Fan C. (2002) Growth and Decline of Muslim Hui Enclaves in Beijing. *Eurasian Geography and Economics*, vol. 43, no 2, pp. 104–122. DOI: 10.1080/10889388.2002.10641195